

«Воспитанное на арабских сказках и восточных преданиях воображение молодого бей жадно хваталось за все чудесное. Чем более всматривался он в освещенные окна, чем более темнело в его глазах, тем более призраков опасности вставало в его насторожившемся ожидании, тем более чувствовал себя бей во власти непонятного страха. Когда ночной ветер заговаривал с высоким тростником, обсевшим берег, бей с сердечным замиранием призывал имя Аллаха, и чудилось ему: вот-вот вынырнет из воды утопленник нагой, синий, изъеденный раками и рыбой, опутанный в сплавни бодяги; вместо волос у него осока... Или мнится ему, что то не осенний пар подымается над Тускарью, а горячее дыхание Черного моря... Отчетливый шепот молитвы старого мурзы заставил очнуться юношу. Медленно, с религиозным чувством, проговорил Юсуф стих из Корана: «Я молил Бога

Краеведческая эссенция

Ещё одним неоспоримым достоинством романа курского Вальтера Скотта является его наполненность чисто региональными подробностями – историческими, географическими, этнографическими.

«В описываемое время редкое население курского края жило больше хуторами, отдельными дворами, прятавшимися в оврагах и по лесам.

«На сторожевой границе Московского государства». Художник С. Иванов

Стрельцы. Реконструкция

о помощи и положил на него мою надежду: что Бог соизволит, то совершится...»

В европейском колорите – в духе бригадира Жерара и барона Мюнхгаузена – выписан польский удалец ротмистр Неборский. Что до русичей, то зигзагами проходящий через всё повествование гуляющий человек Ёра (от ёрник, ёрничать) под стать знаменитому Шико из романов Дюма «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять». А можно ещё вспомнить Тилу Уленшпигеля и особенно «курского жокера» Тимону.

Слободы и станицы ютились близ острогов. Из них замечательнейшею считалась тогда станица сторожевых служилых людей Выгорное (ныне город Тим). Судя по названию, она выжигалась татарами, и, конечно, не раз. Долго не могли утвердиться здесь оседло русские, потому что именно тут проле-

гали «шляхи», «тясьмы» и «сакмы», по которым вторгались в Русь ордынцы. Поэтому при Иоанне IV прибегли к системе сторожевых линий. Таким образом Курск укреплен сторожевым воеводой Иваном Полевым с 1586 года и населен людьми из Мценска и Орла. Указом Грозного повелевалось: «А который в жалобнице или в суде лжет и составит ябеду, ино того казнити торговою казнью, да написать в казаки в украинные города, в Севск и Курск».

Перед нами реалии тогдашнего времени: от обстоятельного описа-

ния боярского двора, крепостных укреплений, мастерски выписанной батальной сцены – штурма татарскими детинцами – до народных гуляний, веселых хороводов и колоритного перечисления кушаний во время боярской трапезы:

«Дворецкий, накрыв стол белою ширинкой, усталил его горячею ухой из только что выловленных налимов, огромным жирным карпом на круглом блюде, изжаренным так искусно, что казался золотым; пироги с осетриной и луком приятно щекотали обоняние проголодавшегося боярина; тут же стояли: сладкий взвар – яблоки, груши, сливы и изюм с медом, белые мягкие калачи и чудно пахнувшие соты меда-липовца. Поднявшись с лавки, хозяин обратился к игумену с просьбой благословить трапезу...»

И в целом речь гибкая, образная, сочная, словно мы видим полотно искуснейшего живописца. Но даже в столь бытовом эпизоде следует обращение к религии. А настоящим энергетическим центром, вокруг которого объединяется земное и небесное, является здесь икона Курская-Коренная. Да, именно религиозная проникновенность пронизывает повествование, а никак не апология дворянства.

Это не иначе как история курского края в сжатом виде, особенности заселения, постоянные набеги татар, польская экспансия в Смутное время. И формирование в этих условиях с неизменным упованием на Всевышнего местных характеров и региональной «порубежной» психологии:

«Порубежники русского государства и татарского юрта – куряне – могли рассчитывать только на самих себя, на непроходимость болот да на свои дубовые леса и глубокие извилистые лесные овраги, где можно было спрятаться в случае крайности».

Всё это делает забытый роман Владислава Маркова настоящей визитной карточкой литературы курского края.

Олег КАЧМАРСКИЙ